

М. П. АЛЕКСЕЕВ

К ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРИИ БАЛЛАДЫ «ГРАФ ГВАРИНОС»

«Древняя гишпанская историческая песня» о графе Гвариносе в переводе Н. М. Карамзина впервые была опубликована в «Московском журнале» (1792)¹ и перепечатывалась затем неоднократно в изданиях его сочинений. Источник этого перевода долгое время оставался неизвестным, но был, наконец, отыскан. Было установлено, что Карамзин переводил не с испанского текста (хорошо известного по различным печатным источникам испанских «романсеро» с середины XVI в. и цитированного также Сервантесом в «Дон-Кихоте»), а с немецкого перевода Ф. Ю. Бертуха, помещенного в 1780 г. в издававшемся им в Веймаре журнале «Magazin der Spanischen und Portugiesischen Literatur»: русский перевод близко следует немецкому.²

Несомненно, что «Граф Гваринос» в переводе Карамзина пользовался в России довольно значительной и продолжительной популярностью, как один из ранних в русской поэзии образцов баллады; однако в литературной истории «Графа Гвариноса» — как она сложилась в России — есть несколько загадочных эпизодов, требующих особого прояснения. Один из них связан с именем немецкого ученого и путешественника Адольфа Эрмана.

В конце 20-х годов А. Эрман совершил путешествие по Сибири для изучения земного магнетизма. По возвращении на родину он издал в Берлине книгу о своем путешествии в пяти то-

¹ Московский журнал 1792, ч. VI, стр. 219—226.

² М. П. Алексеев. К литературной истории одного из романсов в «Дон-Кихоте». В сб.: Сервантес. Статьи и материалы. Изд. ЛГУ, 1948, стр. 113—120; см. также: М. П. Алексеев. Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI—XIX вв. Изд. ЛГУ, 1964, стр. 84.

мах.³ В первом томе этого труда, рассказывая о своих странствованиях по Сибири на основе путевых дневников, Эрман, между прочим, засвидетельствовал (под ноябрем 1828 г.), что, находясь в Тобольске, он однажды «из уст любящих пение русских» с удивлением услышал «один испанский романс, относящийся ко времени Карла Великого». Ничего не зная ни об указанном выше переводе Карамзина, ни о его немецком источнике, Эрман счел услышанный им в Тобольске испанский романс «народной песней» (Volkslied) и создал целую теорию о том, почему древняя испанская баллада могла «сохраниться» в отдаленных краях Северной Азии. «Через посредство русских солдат эта испанская песня-баллада могла достичь до середины Сибири, благодаря матросам — вплоть до восточных берегов Камчатки». «У потомков Ермака, — фантазирует Эрман далее, — стихи эти могли сохраниться так долго потому, что они живо напоминают о пережитом ими самими», и, вспоминая эпизод из 9-й главы второго тома романа Сервантеса, замечает: «Подобно тому, как Дон-Кихот от испанского крестьянина, как путешественник по Азии слышит теперь от русских именно ту из песен о Ронсевале, в которой рассказывается о твердости в христианской вере плененного Гвариноса и о его горделивом презрении к мавританскому королю».⁴ Я уже имел случай показать, что свидетельство Эрмана вплоть до последнего времени пользовалось широким вниманием ученых исследователей испанского эпоса, которые толковали его на все лады, высказывая по этому поводу самые удивительные и неправдоподобные догадки.⁵

Так как Эрман привел в своей книге также запись начала этой слышанной им русской «песни», транскрибируя ее латинскими литерами, было нетрудно догадаться, что эта «песня» есть не что иное, как перевод «Графа Гвариноса», сделанный Карамзиным:

Chudo, chudo, o Franzusui
 W Ronzewalje builo waml
 Karl Welikij tam lischilsja
 Lutchich ruizarei swoich. . .

Труднее оказалось определить, в каком музыкальном оформлении текст Карамзина Эрман слышал в Тобольске в конце

³ Adolf Ermann. Reise um die Erde durch Nord-Asien und die beide Oceane in den Jahren 1828, 1829 und 1830 ausgeführt, Bd. I—V. Berlin, 1833—1848; ср.: А. Подольский. Немецкий ученый о Пушкине и декабристах. Вопросы литературы, 1961, № 4, стр. 116—119.

⁴ А. Ermann. Reise um die Erde. . ., Bd. I, 1833, SS. 513—514.

⁵ М. П. Алексеев. К литературной истории одного из романсов в «Дон-Кихоте», стр. 113—120.

1828 г. «К сожалению, в нашей музыкально-песенной литературе начала XIX в. мы не можем пока указать такого изданного произведения. Но в том, что оно существовало, едва ли следует сомневаться», — писал я в 1948 г. и предлагал для ответа на этот вопрос вести поиски в нескольких направлениях.⁶

Город Тобольск, где Эрман в ноябре 1828 г. слышал вокальное исполнение «Графа Гвариноса» на текст Карамзина, был в то время довольно культурным городом, в котором любили музыку и пение. Благодаря известному композитору А. А. Алябьеву (сосланному в Сибирь и приехавшему в Тобольск в середине марта 1828 г.) здесь уже с января 1829 г. начались регулярные «инструментальные и вокальные концерты».⁷ Вокруг А. А. Алябьева, которого его биограф с полным основанием называет «организатором музыкальной жизни Тобольска»,⁸ группировались тогда довольно многочисленные меломаны из чиновничьей среды и местной интеллигенции; в Тобольске же были написаны Алябьевым «многие его лучшие романсы и песни».⁹ Мне представлялось возможным, что и «Граф Гваринос» был положен на музыку Алябьевым или кем-либо другим из местных сибирских музыкантов-любителей и, может быть, исполнялся здесь на музыкальных вечеринках или даже на публичных концертах:¹⁰ свидетельство Эрмана о том, что он слышал эту балладу «из уст любящих пение русских», неясно и не дает возможности решить, где и в какой обстановке это исполнение происходило на самом деле.

Недавно эту мою догадку принял музыковед Б. Доброхотов в своей новой книге о творчестве А. Алябьева. Остановившись на моей вышеуказанной статье и пересказав выдвинутые в ней гипотезы относительно того, какую именно песню о Гвариносе слышал А. Эрман, Б. Доброхотов заметил: «Вероятнее всего,

⁶ Там же, стр. 121.

⁷ Тобольск в разных отношениях (отрывок из рукописи П. Н. Словова). Московский телеграф, 1831, ч. 40, № 14, стр. 164—165.

⁸ Б. Штейнпресс. А. А. Алябьев в изгнании. Музгиз, М., 1959, стр. 33.

⁹ Там же, стр. 39.

¹⁰ Ряд стихотворений Карамзина был положен на музыку при его жизни, и эти романсы пользовались большой популярностью — например, на текст стихотворения «Прости» (Кто мог любить тебя так страстно...), 1792 (Изв. ОРЯС, 1903, кн. 2, стр. 79). «Песня о добром царе» Карамзина обработана для хора А. А. Алябьевым и издана в составе сборника «Застольные русские народные песни» (М., 1839). См. также: Г. И. Иванов. Русская поэзия в отечественной музыке (до 1917 г.). Справочник, вып. 1. Изд. «Музыка», М., 1966, стр. 137. — О популярности романсов и частом исполнении их в Сибири нередко идет речь в записках и воспоминаниях декабристов (Н. Басаргина, Д. Завалишина, Н. Лорера и т. д.).

что музыкальная обработка „Романса о графе Гвариносе“ была сделана именно Алябьевым. Вряд ли кто-либо из тобольских музыкантов того времени... мог выполнить эту работу. Стихотворные переводы Карамзина были очень хорошо известны Алябьеву (позже он написал на текст такого перевода «Песню о добром царе»). Кроме того, содержание стихотворения Сервантеса (!) (бегство из заточения на родину) близко отвечало переживаниям ссыльного Алябьева, также всеми силами стремившегося вернуться из изгнания. К сожалению, музыка исполнявшейся в Сибири обработки „Романса о графе Гвариносе“ до сих пор не обнаружена, и это не дает возможности утвердительно высказаться об ее авторе.¹¹ Не исключена, впрочем, возможность, что ноты этого романса завезены были в Западную Сибирь из столицы. В связи с этим стоит отметить, что какие-то «Романсы из „Дон-Кихота“», положенные на музыку Людвигом Вильгельмом Теппером, продавались в Москве еще в начале XIX в. Композиторская деятельность Теппера началась в Вене в конце XVIII в.; затем он переехал в Россию, был преподавателем музыки в Царскосельском лицее в пушкинское время, и его песенное творчество продолжалось также в эти годы.¹² К сожалению, в наших книгохранилищах не удалось разыскать музыкальные тексты этих «романсов», чтобы проверить, не находился ли здесь также и «Граф Гваринос» (конечно, с немецким или французским, но не с русским переводным текстом).¹³

Существует возможность еще одного объяснения интересующего нас вопроса. В 30-е годы в московских и петербургских театрах шла трагедия В. Скотта «Дом Аспенов», переведенная с французского и приспособленная для русской сцены И. В. Селивановым. Издан у нас этот перевод не был, но рукописи пьесы, представлявшиеся в цензуру, по которым осуществлялись сценические ее постановки, сохранились. В эти рукописи вписано несколько стихотворений, не относившихся к переводному тексту В. Скотта. Один из таких вставных номеров — романс Пушкина о рыцаре бедном, исполнявшийся с музыкой петербургского артиста и композитора Н. О. Дюра; другой — баллада Карамзина, заменившая не переведенную из оригинального

¹¹ Б. Доброхотов. Александр Алябьев. Творческий путь. Изд. «Музыка», М., 1966, стр. 92—93.

¹² А. М. Ступель. Лицейский учитель музыки. В сб.: Пушкин. Исследования и материалы, т. III. Изд. АН СССР, М.—Л., 1960, стр. 365.

¹³ «Romances de Don-Quichote» — L. Tepper'a упомянуты в каталоге нотного магазина Ленгольда в Москве (Catalogue de musique chez Charles Louis Lehnhold, Moscou, 1806); на экземпляр этого каталога, хранящийся в ГПБ (Ленинград), любезно указал мне А. М. Ступель.

текста В. Скотта песенку Рюдигера в 3-й сцене I акта «Дома Аспенов». В одной из сохранившихся русских театральных рукописей пьесы, по-видимому режиссерской рукой, сделана следующая помета: «№ 1 поет: „Худо, худо, ах! французы, в Роценвале (sic!) было вам“ и после слов „Напень вином бокал мой, Гертруда, а ты, Петр, поди позови менестреля, вчера вечером пришедшего“ продолжает:

№ 2

В Роценвале (sic!) было вам,
Карл Великий тут лишился
Лутчих рыцарей своих. . .»

«Так в этом месте были введены стихи Карамзина, ничего общего не имевшие с оригиналом трагедии», — заметил обследовавший эту рукопись Д. П. Якубович.¹⁴ В указанное место рукописи вписан текст баллады Карамзина, но со многими ошибками не только в собственных именах. При представлении этой пьесы на русских сценах вставные номера пелись артистами, вероятно, в сопровождении какого-либо инструмента. Пушкинский романс о «Рыцаре бедном» избран был режиссером в качестве вставного вокального номера вместо романса «странствующего менестреля Арнольфа», потому что музыка к нему была написана петербургским артистом, певцом и композитором Н. О. Дюром, а после его смерти издана другом его Ф. А. Кони.¹⁵ «Таким образом, — замечает А. Глумов, — русское общество ознакомилось с балладой Пушкина в ее звучании со сцены и в музыкальной публикации».¹⁶ В чьей же музыкальной обработке звучала со сцены баллада о графе Гвариносе? К сожалению, этот вопрос остается без ответа. Естественно было бы предположить, что балладу Карамзина положил на музыку для сценического исполнения тот же артист и певец Н. О. Дюр, но, по свидетельству его друга и автора некрологической заметки о нем Ф. А. Кони, «Дюр неохотно отдавал свою музыку на сцену и в печать;

¹⁴ Д. П. Якубович. Трагедия В. Скотта «Дом Аспенов» и пушкинский романс о рыцаре бедном. Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Изд. АН СССР, Л., 1934, стр. 455.

¹⁵ Нотный текст романса приложен был к журналу «Репертуар русского театра, издаваемый И. Песоцким» 1839 г., однако поиски сохранившегося экземпляра с приложением продолжались довольно долго. — См.: В. В. Каллаш. Заметки о Пушкине. Голос минувшего, 1914, № 7, стр. 210—211; Н. О. Лернер. К истории «Баллады о рыцаре». Там же, № 1, стр. 288; Д. П. Якубович. Трагедия В. Скотта. . ., стр. 450.

¹⁶ А. Глумов Музыка в русском драматическом театре. Исторические очерки. Музгиз, М., 1955, стр. 102—103.

много прекраснейших арий и кантат оставалось по несколько лет в пыли его бумаг.¹⁷ Прибавим, что Дюр умер рано (в 1839 г.), успев издать лишь — по свидетельству того же Ф. Кони — «Три альбома водевильных куплетов и шесть пьес отдельной музыки», среди которых баллада о графе Гвариносе отсутствует. Романс Пушкина и баллада Карамзина были единственными вставными номерами в русской сценической редакции трагедии В. Скотта. Так, в том месте, где, согласно английскому тексту, должна петь свой романс ждущая милого Гертруда, вписаны стихи из «Людмилы» Жуковского, также неизвестно в чьей музыкальной обработке. Так как «Дом Аспенов» шел в московском и петербургском театрах, то вставные номера могли меняться по желанию артистов или усмотрению постановщика.

Против догадки, что музыкальная обработка «Графа Гвариноса», звучавшая со сцены столичных театров, была та самая, которая достигла также Тобольска, говорят, однако, хронологические соображения. «Дом Аспенов», как известно, — юношеская трагедия В. Скотта, написанная в 1799 г.; она затерялась среди его рукописей и впервые была опубликована лишь незадолго до смерти писателя, тридцать лет спустя (в 1829 г.). Русский перевод, озаглавленный «Семейство Аспенов, или Таинственный суд невидимого трибунала, перевод с французского И. Селиванова», в рукопись которого вписан текст «Графа Гвариноса», был одобрен к представлению цензором Е. Ольдекопом в Петербурге 4 июля 1832 г.; существует также еще одна рукопись перевода под заглавием «Дом Аспенов», запрещенная тем же Е. Ольдекопом в Петербурге 30 ноября 1837 г.¹⁸ Неизвестно, однако, какой текст избрал для своего бенефиса 15 декабря того же года артист Брянский; афиша извещала, что во время представления этой пьесы он должен петь «новый романс с аккомпанементом» на слова Пушкина «с музыкой сочинения г. Дюра».¹⁹ Все эти даты свидетельствуют, что в Тобольск в 1828 г. не могла попасть та вокальная обработка «Графа Гвариноса», которая подготовлена была к исполнению в пьесе В. Скотта не ранее 1832 г., если постановщик не воспользовался музыкальным произведением, созданным задолго до этой даты. Разумеется, допустимо было бы также предположить, что текст «Графа Гвариноса» приспособлен был к какой-либо мелодии, не специально для него созданной и, может быть, достаточно при-

¹⁷ Ф. Кони. Николай Осипович Дюр, императорский российский придворный актер. Репертуар русского театра, 1939, т. II, стр. 18.

¹⁸ Д. П. Якубович. Трагедия В. Скотта. . . , стр. 455—456.

¹⁹ А. Глумов. Музыка в русском драматическом театре, стр. 102.

митивной. Наконец, необходимо иметь в виду, что в полном виде для музыкального исполнения со сцены или даже в гостиной музыкальных любителей текст «Графа Гвариноса» в переводе Карамзина слишком велик.

Правдоподобным, с моей точки зрения, было бы также еще одно предположение, что Эрман слышал песню, сложенную на текст Карамзина ссыльными²⁰ или усвоенную и переработанную ими: содержание этой «исторической песни» (бегство из заточения на родину) могло бы дать лишний повод к догадке, что Эрману стала известна «тюремная песня», основанная на переводе Карамзина, но что он не догадывался об истинном ее авторе, сочинения которого, кстати говоря, были ему известны (на Карамзина Эрман несколько раз ссылается в своем «Путешествии»).

Разыскания мои об источниках карамзинского перевода «Графа Гвариноса» были опубликованы в 1948 г. Десять лет спустя П. Д. Ухов обратил внимание фольклористов на текст «Графа Гвариноса», обнаруженный им в архиве П. В. Киреевского среди записей русских народных песен. Изложив историю этого испанского романса по собранным мною материалам и согласившись с основным моим утверждением, что «слышанная Эрманом песня есть не что иное, как перевод Н. М. Карамзина испанского романса XVI в.», П. Д. Ухов, однако, отверг все мои догадки относительно проникновения этого перевода в народную среду и упрекнул меня в том, что я «сделал слишком решительное утверждение о невозможности широкого распространения романса в устном бытовании». «Обнаруженный нами в материалах П. В. Киреевского народный текст этого романса, — писал П. Д. Ухов далее, — опровергает предположения М. П. Алексеева. Текст Н. М. Карамзина, бытуя в народе, подвергся значительной обработке, что свидетельствует о длительном и широком бытовании произведения в народе. На русской почве романс получил своеобразную окраску, а Гваринос превратился в русского национального героя. На предложение Марлатеса (sic!) перейти к нему на службу, в награду за что Гваринос получит одну из его дочерей, последний решительно заявляет:

Сохрани, господь небесный
И Мария, мать его,
Чтоб Гваринус христианин
Магомету послужил.
Дорогая та невеста
Во Москве у нас живет.

²⁰ Ряд указаний на подобные песни, основанные на литературных текстах книжного происхождения, см. в кн.: С. В. Максимов. Сибирь и каторга. СПб., 1891, стр. 352, 364—367.

К сожалению, в архиве сохранилась лишь копия записи песни, на которой не обозначено, где, кем и от кого она записана. Но, судя по тому, что в числе лиц, доставлявших материалы Киреевскому, тобольский корреспондент не значится, можно предположить, что песня могла быть записана где-то в центральных областях страны». ²¹

Текст песни, обнаруженный П. Д. Уховым, представляет несомненный интерес. Тем не менее с предлагаемыми П. Д. Уховым поправками к моему построению я в свою очередь согласиться не могу. «Народная» переделка карамзинской баллады едва ли свидетельствует о ее «длительном и широком бытовании в народе», как это утверждает П. Д. Ухов. Насколько мне известно, текст записи «Гвариноса», оказавшийся в рукописных материалах П. В. Киреевского, — единственный; других его следов, записей или свидетельств об его исполнении пока найдено не было. Конечно, очень возможно, что эта «песня» «могла быть записана где-то в центральных областях страны», а не в Тобольске, хотя доказательством этого, естественно, не может служить отсутствие в числе корреспондентов П. В. Киреевского, доставлявших ему свои записи, таких лиц, которые проживали в Тобольске. Все упоминаемые П. Д. Уховым народные переделки «многих поэтов XVIII в. и первой половины XIX в. — Ломоносова, Карамзина, Нелединского-Мелецкого, Мерзлякова и т. д.», копии которых нашлись в том же собрании П. В. Киреевского, имеют то же происхождение — из тех близких к столицам культурных центров, где легче всего мог осуществиться переход песни из концертной залы в городскую мещанскую среду. Заслуживает внимания также догадка П. Д. Ухова, что Эрман романс о Гвариносе «услышал, должно быть, от солдат», но если такое предположение справедливо, то оно в свою очередь ограничивает распространенность романса-песни более замкнутой военной средой и не служит доказательством ее популярности. В солдатскую среду, действительно, уже с конца XVIII в. начали проникать произведения «высокой» литературы, ²² но записи их переделок производились впоследствии не-

²¹ П. Д. Ухов. Неизвестные материалы из собрания П. В. Киреевского (IV Международный съезд славистов. Сообщения). Изд. АН СССР, М., 1958, стр. 16—17. — Ср.: Литературное наследство, т. 79, 1968, стр. 116.

²² Так, например, в текст распространенной в солдатской среде пьесы «Царь Максимилиан» включались с небольшими изменениями стихи Г. Р. Державина: «Стану на горы — горы трещат, гляну на воды — воды кипят» и т. д., заимствованные из его «Песни... на победы гр. Суворова-Рымнического», 1794. — См.: Русский филологический вестник, 1912, № 3; Н. Е. Оничуков. Северные народные драмы. СПб., 1910, стр. 5 и др.

однократно; что же касается «Гвариноса», то запись его остается единственной в своем роде.

Главным препятствием для принятия гипотезы П. Д. Ухова относительно «длительного и широкого бытования» «Гвариноса» в народной среде несомненно является самый текст указанной им записи. Текст этот, во всяком случае, не свидетельствует о «значительной обработке», которой он якобы подвергся в народных устах; не получил он и «своеобразной окраски», которую усматривает в нем П. Д. Ухов; все изменения, которые внесены были в карамзинский текст, представляются мне не более чем искажениями, получившимися при копировании текста Карамзина полуграмотными переписчиками. Вместе с тем отклонения от оригинала в переделке не очень значительны; ни собственные имена, ни военная терминология не руссифицированы; неожиданное упоминание «Москвы», в которой живет «дорогая невеста», походит на случайную обмолвку или заимствование из какой-то другой песни. Наконец, и герой песни — Гваринус — меньше всего походит на русского «национального героя», каким его без всяких к тому оснований представляет себе П. Д. Ухов. Даже географическое название «Ронцеваль» (у Карамзина), превратившееся в «Францеваль», представляет собою попытку этимологизации грамотным человеком малоизвестного географического названия, едва ли типичную для текста, долго и широко бытовавшего в народных устах.

Запись «Графа Гвариноса», указанная П. Д. Уховым в рукописных материалах П. В. Киреевского и им характеризованная, опубликована не была. Привожу поэтому ее полный текст из собрания рукописей П. В. Киреевского, хранящегося в Историческом музее в Москве.²³

Худо, худо нам ребятам
В Францевале было жить.
Карл великий тут лишился
Лучших рыцарей своих.
И Гваринус был пойман
Многим множеством врагов.
Адмиралов полонили
Семь арабских королей.
Семь раз жеребий бросали
О Гваринусе цари.
Марлатесу он дороже
Всей Аравии большой.
Раун Алла, храбрый воин,
Нашу веру прими,

И возьми, что ни захочешь,
Что приглянется тебе.
Дочерей моих обеих
Я Гваринусу отдам,
Чтоб Гваринусу служили,
Шили, мыли на него.
На любой из них женися,
А другую так возьми.
А Гваринус оглянулся,
Марлатесу он сказал:
Сохрани Господь небесный
И Мария, мать его,
Чтоб Гваринус христианин
Магомету послужил.

²³ Копия записи сообщена мне А. Д. Соймоновым, которому приношу искреннюю благодарность.

Дорогая та невеста
 Во Москве у нас живет.
 Марлатес, пришедши в ярость,
 Через герольда объявил:
 Вкруг окуйте вы Гварина,
 Нечестивого раба,
 И в темницу преисподню
 Посадите вы его,
 И в семьсот пуд тяжки цепи
 Возложите на него.
 Пусть гниет он понемногу,
 И умрет, как бедный червь.
 Время идет, дни проходят.
 День Иванов тут настал.
 Все арабы в торжестве.
 Всем арапам на забаву
 Марлатес поставил цель,
 Он высокоу цель поставил,
 Чтоб сшибить ее копьём;
 Но для слабых цель высоко.
 Никто цели не сшибет.
 Марлатес, пришедши в ярость,
 Через герольда объявил:
 Чтоб большим не пить, не есть,
 Малым груди ни сосать,
 Коли цели сей на землю
 Кто из мавров не сшибет.
 А Гваринус шум услышал
 В той темнице, где сидел:
 Мать святая, чиста Дева,
 Что за день такой пришел?
 Не меня ли сечь жестоко
 Час приблизился презлой?
 Не король ли вздумал выдать
 Замуж, дочь свою отдать?
 Страж тюремный отвечает:
 Нет, Гваринус! свадьбы нет!
 Ныне сечь тебя не будут.
 Трубный звук не то гласит.
 Ныне праздник, день Иванов,
 Все арапы в торжестве.
 Всем арапам на забаву
 Марлатес поставил цель.
 Он высокоу цель поставил,
 Чтоб сшибить ее копьём;
 Но для слабых цель высоко.
 Никто цели не сшибет.
 Марлатес, пришедши в ярость,
 Через герольда объявил:

Коли цели сей на землю.
 Кто из мавров не сшибет,
 Чтоб большим не пить, не есть,
 Малым груди ни сосать.
 Ты поди, скажи инфанту,
 Что теперь я говорю.
 Дайте мне коня и сбрую,
 С коим Карлу я служил.
 Дайте мне копые булатно,
 Коим я врагов разил.
 Тотчас цель сшибу на землю,
 Сколь она ни высока.
 Коли я сказал неправду,
 Жизнь моя у вас в руках.
 Скоро, скоро поспешает
 Страж тюремный к королю,
 Приближается к инфанту
 И приносит весть ему.
 Знай! Гваринус христианин,
 Что семь лет в тюрьме сидит,
 Тут другие больше году
 Не могли никак прожить.
 Просит он коня и сбрую,
 С коим Карлу он служил,
 Просит он копые булатно,
 Коим он врагов разил.
 Хочет цель сшибить на землю,
 Сколь она ни высока.
 Коли я сказал неправду,
 Жизнь моя у вас в руках.
 Марлатес сказал с насмешкой:
 Чтоб сыскать ему всю сбрую,
 И коня ему привезть.
 Сбруя ржавчиной покрылась,
 Конь семь лет песок возил.
 На коня лишь он садится,
 И как туча разъярена.
 К цели мчится сей герой.
 Лишь он с целью поравнялся,
 Цель уж на земле лежит.
 Все арапы взволновались,
 Копья мечут все в него.
 Он мечем своим сечет.
 И так до грании своих достиг.
 Тут все рыцари и дамы
 С честью встретили его,
 Что здорова получили
 Адмирала своего.

Все приведенные выше догадки подлежат дальнейшей проверке и уточнению, может быть, на основе местных сибирских материалов, но дальнейшие разыскания в этой области не изменят основного вывода, к которому мы пришли ранее. Лишен-

ная всякого основания легенда об очень раннем проникновении в Сибирь испанского романса о графе Гвариносе, тем более дальневосточным путем, должна быть исключена из научной литературы об испанских романсах, как совершенно несостоятельная. С другой стороны, переводу этого романса, сделанному Карамзиным с немецкого перевода и впервые опубликованному в Москве в 1792 г., суждена была долгая популярность не только в литературе; положенный на музыку, он исполнялся на театральных сценах и проник в народную среду, что свидетельствует о широкой известности, которой он пользовался в течение нескольких десятилетий.
